

династических распрях, сопровождавших последние годы правления Лузиньянов, и переходе острова под власть Венеции.

Связь творчества виднейшего представителя кипрской историографии — Леонтия Махеры с народно-эпической традицией показывает следующий эпизод в его сочинении, посвященный истории трагической любви короля Петра I и знатной дамы Жанны л'Алеман, вдовы сира Жана де Монтолифа, сеньора Хулу. Однажды король Петр отправился во Францию, а оставшаяся на острове Жанна ждала в скором времени ребенка. Королева, Элеонора Арагонская, опасавшаяся возможности рождения королевского сына от другой женщины, приказала Жанне явиться ко двору и, набросившись на нее с грубыми оскорблениями, подвергла жестокой пытке, чтобы вызвать преждевременные роды. После двух дней терзаний, когда самые изощренные приемы не привели к желательному для королевы результату, она отпустила Жанну домой, приставив к ней служанок, которые должны были доставить ребенка во дворец, едва он появится на свет, что те вскоре и исполнили. О дальнейшей судьбе ребенка ничего более неизвестно, а Жанну, как только она разрешилась от бремени, королева приказала бросить в подземелье замка Кирении, где та тяжело страдала, лишенная пищи, постели и всего необходимого. Лишь через {176} неделю принц, сменив прежнего капитана замка, несколько облегчил ее участь. Когда весть о случившемся достигла короля, он написал супруге: «Я узнал обо всем том зле, что ты причинила возлюбленной моей даме Жанне л'Алеман. И потому клянусь тебе, что, если с Божьей помощью я когда-либо вернусь на Кипр, я причиню тебе такое зло, что многие содрогнутся. Поэтому, пока я не возвратился, спешу совершить все худшее, что только можешь!»

Получив письмо с такой угрозой, королева приказала освободить Жанну из подземелья, но заставила ее уйти в монастырь св. Клары. Махера пишет, что, несмотря на год, проведенный в подземелье и монастыре, ее красота не померкла (Ibid. I. P. 214—219).

Вернувшись на остров, король посетил Жанну, приказал ей покинуть монастырь, ибо она была пострижена вопреки своей воле, и наградил ее большой суммой денег (Ibid. P. 226). История Жанны не была продолжена Махерой. Возмездие, впрочем, не постигло королеву, хотя она была к тому же изобличена преданным королю домоправителем Джованни Висконти в супружеской неверности. Однако Высокий суд (суд баронов) решил казнить доносителя, ибо бароны опасались, что родственники королевы, принадлежавшей к знатному роду каталанцев, которые не знают пощады, сочтут, что они осудили королеву по ненависти, и, взявшись за оружие, опустошат страну. Вынести приговор королеве Петру I, видимо, помешало и то, что сам он был осужден папой и епископом за прелюбодеяние. Итак, добрый рыцарь Висконти был заморен голодом в тюрьме Буффавенто, а Махера скорбел о его судьбе, не упрекая, впрочем, короля, который стал преследовать неугодных ему вассалов, бесчестить их жен и дочерей и нарушать кутюмы королевства, за что и поплатился вскоре жизнью (Ibid. I. P. 218—225, 230—269).

Трагедия Жанны л'Алеман нашла интерпретацию также и в поэтической народной балладе, возможно восходящей к XIV в., где она представлена под именем Ародафнуса (Лавророзы). Героиня была красивейшей из трех сестер, говорится в песне, а ее возлюбленный назван царем Востока и императором Запада. Злобная королева, узнав о любви супруга к Ародафнусу, также приглашает ее во дворец, куда Ародафнуса является в великолепном расшитом золотом туалете, еще более подчеркивающим ее красоту. Она ласково принята королевой, которая говорит, что пригласила ее, чтобы взглянуть на нее, вместе вкусить трапезу и совершить прогулку. Весь день они провели как сестры, и лишь тогда, когда королева не ответила на слова прощания, Ародафнуса, приняв это за пренебрежение, в гневе тихо сказала: «И об этой женщине, с крупным мужицким лбом, беззубой, этом хриплом петухе мне рассказывали столько прекрасного!» Служанки донесли королеве об этих словах, что еще более распалило ее гнев.

На следующий день королева вновь призвала к себе Ародафнуса. В балладе приведена трогательная сцена прощания Ародафнуса с родным домом, когда она получила повеление королевы. На этот раз прием был иным. Королева, схватив Ародафнуса за волосы, в гневе сказала, что ранее она пощадила ее жизнь, но за дерзость ныне предаст ее смерти. Ародафнуса умоляла лишь позволить ей проститься с королем и разразилась рыданиями... Почувствовав неладное, король, находившийся в дальних странах, приказал срочно привести своего лучшего коня. Мигом проскакав две тысячи верст, он ворвался во дворец, высадил ногой дверь, но, увидев {177} окровавленную, уже обезглавленную Ародафнуса, упал без чувств. Придя в себя, он изгнал королеву из дворца, а останки Ародафнуса приказал похоронить с царскими почес-